

НОВАЦИИ И ТРАДИЦИИ В КУЛЬТУРАХ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ ИСЕТИ (ЭПОХА КАМНЯ)

В. Д. Викторова,
старший научный
сотрудник отдела
археологии и
этнографии Института
истории и археологии
УрО РАН, кандидат
исторических наук

В каждой цивилизованной стране Старого и Нового света, где ценят древнюю историю своего края, есть археологические и этнографические музеи под открытым небом. На Урале и в Западной Сибири они имеются в Челябинской и Томской областях, но в Свердловской области их нет.

Член-корреспондент АН СССР Ю. Н. Вершинин и директор Института истории и археологии УрО АН СССР В. В. Алексеев, посетив в 1988 г. место раскопок на острове Каменные палатки, поддержали выдвигавшуюся группой археологов идею о необходимости создания археологического музея под открытым небом на территории верховьев Исети, где открыто более 135 памятников археологии, из которых 15 исследованы раскопками. По решению ученого совета Института истории и археологии, это предложение было передано на рассмотрение администрации города и области. Хождение инициативной группы по коридорам власти в течение 15 лет результата не имело. Мы понимаем, что для того, чтобы собрать «группу поддержки», необходимо ознакомить научную общественность с богатым культурным наследием прошлого, которое находится совсем рядом – в черте Большого Екатеринбурга и Верхне-Пышминского района. Для этого нами подготовлена серия статей, первая из которых посвящена особенностям начального этапа освоения края древним человеком.

В. Ф. Кернер,
научный сотрудник
отдела археологии и
этнографии Института
истории и археологии
УрО РАН

Каковы механизмы появления и распространения новых форм деятельности, новых эмпирических знаний и технологий в древности? Как возникли мифы и ритуалы, выраженные в новой знаковой системе?

Можно выделить три фактора появления новаций. Первый – это внутренние потребности конкретной культурно-исторической общности, второй – контакты с соседними общностями и третий – появление мигрантов из других ландшафтных зон с иными культурными приоритетами.

Первый фактор действовал, когда происходила смена образа жизни древнего населения: при резких климатических изменениях или становлении новых форм хозяйства. Смена образа жизни сопровождалась новациями в технологиях, формах ведения хозяйства и быта, становлением новой мифологической картины мира, в которую лишь частично входили традиционные знаки и значения. Утвердившись, новации постепенно превращались в традиции, закрепленные и в хозяйственно-бытовой деятельности, и в ритуальной практике. Этот процесс имел свои законо-

мерности. Быстрее всего происходило усвоение технологических новаций (эмпирических знаний и способов деятельности). Сложнее было с новациями, связанными с представлениями древних о мироздании, происхождении земли и человека, взаимоотношениях людей со средой обитания.

Духовные новации на территории лесной зоны Евразии у населения, близкого по образу жизни (охотники и рыболовы) и в языковом отношении (уральская, а позднее финно-угорская языковые семьи), усваивались, вероятно, сравнительно быстро: в основе формирования знаковых систем лежал одинаковый состав исходных природных объектов. Различие заключалось только в представлениях о вертикальном строении мира, которые зависели от среды обитания: в гористой местности осью мира мыслилась гора, в равнинной – дерево. С приходом мигрантов с другим образом жизни наблюдалась иная картина: в состав уже сложившейся мифологической картины мира аборигенного населения включались только знаки со значением, близким к местным образам, чуждые мифологические тексты исчезали.

Эти процессы можно проследить на примере территории горно-лесного Зауралья, в частности, верховьев реки Исети, где в последние годы XX – начале XXI в. осуществлялось комплексное исследование ряда памятников древности. На этой основе выявлена и реконструирована ис-

Рис. 1. Наконечники стрел и вкладыши: 1–7 – наконечники стрел; 8–9 – вкладыши (эпоха мезолита); 10–19 – наконечники стрел; 20–41 – наконечники стрел (эпоха энеолита); 42 – наконечник дротика (эпоха неолита). 1–9, 20–41 – Палатки I; 10–19, 42 – Исетское Правобережное I

¹ См.: Малахов М. В. О доисторических эпохах на Урале // Зап. УОЛЕ. Т. 11, вып. 1. Екатеринбург, 1887. С. 52; Сисаицкий А. А. Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898. С. 85–88.

² См.: Панова Н. К. История озер и растительности в центральной части Среднего Урала в поздне- и последнелидовое время // Охраняемые археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001.

³ См.: Косинцев П. А. Крупные млекопитающие Урала в позднем плейстоцене и голоцене: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.

тория населения края на протяжении всей эпохи голоцена (современная геологическая эпоха). В раннюю и среднюю пору голоцена (эпоха камня), судя по следам на археологических памятниках, отношение к чужим было толерантным. В любых ситуациях – будь то контакты с близкими соседями или с мигрантами – происходило взаимообогащение культур как в технологии, так и в отношении образов и смыслов мифологической картины мира.

Территория верховьев Исети в высшей степени благоприятна для возникновения и развития тесного взаимодействия традиций и новаций в культуре ее обитателей. Этот край располагается между двумя частями света – Европой и Азией, разъединяя и одновременно объединяя их горными кряжами, которые хотя иногда и тянутся на десятки километров, но представлены невысокими сопками и увалами, доступными для передвижения. Здесь рождаются главные на Среднем Урале реки – Исеть, Пышма и Чусовая. Как сестры-близнецы, они начинаются с малых речушек от главного водораздела, прохо-

дят через систему озер, принимая на своем пути большое количество мелких притоков. Но их дальнейшие судьбы различны: Чусовая, порожистая и бурливая, течет на запад, в Европу, а две другие реки, Исеть и Пышма, – на азиатский восток. Во все времена, и особенно в древности, реки были дорогами, позволявшими людям проникать на далекие расстояния для выбора благоприятных мест жительства, добычи необходимого сырья, осуществления обмена с другими племенами, поиска брачного партнера и т. д.

Район занимает часть восточного склона Уральских гор. Как и Средний Урал в целом, он входит в лесную зону Евразии и, располагаясь на пограничье двух природно-ландшафтных зон, леса и лесостепи, имеет ряд особенностей. Одной из особенностей восточного склона является малый снеговой покров. Этот факт издавна предопределил пути миграции некоторых видов животных¹. Глубокой осенью особыми тропами многочисленные стада косуль перебирались с западного склона на восточный, а ранней весной повторяли этот путь в обратном направлении, что давало возможность два раза в год сравнительно легко охотиться на них. Второй особенностью является проникновение на эту территорию широколиственных пород деревьев в атлантический период эпохи голоцена, характеризующийся значительным потеплением и увлажнением климата². Это способствовало разнообразию лесной растительности и усилению образования озерного ила, что, в свою очередь, привело к увеличению численности и многообразия животного мира лесов и водоемов края.

Все эти особенности привели к сосуществованию здесь животных, являющихся обитателями различных природных зон: тундры (северный олень и др.), темнохвойной тайги (лось, бурый медведь и др.) и зоны смешанных и широколиственных лесов (косуля, благородный олень, кабан, дикая лошадь и др.)³. И еще одна особенность этого региона оказала воздействие на процесс его интенсивного заселения и освоения людьми. Недра территории верховьев Исети, благодаря особенностям горообразовательных процессов в далеком геологическом прошлом, характеризуют-

ся наличием полезных ископаемых, исключительно разнообразных и более доступных, чем во многих других горных районах нашей страны⁴.

Время открытий и изобретений

В эпоху голоцена происходят глобальные изменения в истории Северной Евразии: потепление климата, от ледника освобождаются новые, пригодные для заселения территории, повышается уровень воды в водоемах, формируются современные ландшафтные зоны, на смену гигантским плейстоценовым животным приходят более мелкие, мобильные и разнообразные лесные млекопитающие. Берега водоемов, изобилующие рыбой, становятся местом обитания или гнездования разнообразной водоплавающей птицы.

Начало эпохи голоцена, по археологической периодизации, период мезолита (X–VII тыс. до н. э.), для первобытного человека является временем становления нового образа жизни, временем испытаний, открытий и изобретений. Адаптация к новым условиям среды вызвала появление новаций, источником которых являлись внутренние потребности древних коллективов, более многочисленных и более мобильных, чем в предшествующий период.

В зоне лесной полосы первой и важнейшей новацией было освоение особенностей различной древесины для создания совершенно новых изделий. Дерево диктовало новую прямоугольную форму построек с каркасно-столбовой конструкцией стен и кровли. Уральские торфяники сохранили следы ряда технологических открытий.

Для индивидуальной охоты были изобретены лук и стрелы. Судя по находкам на торфянике Вис I, лук изготавливали из периферийной, наиболее эластичной части дерева. Это был необычный лук асимметричного типа с выемкой для наложения стрелы выше центра⁵. На евразийской территории у него нет аналогии: можно предположить, что это было местное изобретение. Для охоты применялся также сторожевой станковый лук длиной около 170 см⁶, который устанавливался на звериных тропах. Наконечники стрел

изготавливались из кости (Шигирский торфяник) и камня. На острове Каменные палатки в верховьях Исети (памятник Палатки I) найдены наконечники стрел из камня двух типов – черешковые и с выемчатым основанием (рис. 1, 1–7), изготовленные из пластин. По находкам из

торфяника Вис I можно также узнать, что бумерангом пользовались не только в Австралии, но и на Урале. Охотники передвигались зимой на лыжах, а добычу, по всей вероятности, везли на санях. Под приподнятой частью лыж и саней был расположен выступ, мешающий скатываться при подъеме вверх⁷.

Не менее значительными были открытия и в способах рыбной ловли. Рыбу ловили стрелами и гарпунами, изготавливались и ставились ловушки. Для передвижения по воде потребовались лодки. Ряд открытий оказался настолько оптимальным, что сохранился до наших дней, например, весло листовидной формы с заостренным концом, изогнутое в профиле и снабженное нервюрой для прочности.

Для разделки добытых животных и рыбы, для обработки кож и шкур использовались орудия из камня. Технологии изготовления орудий из пластин и вкладышевых орудий возникли еще в предшествующую эпоху, но их расцвет приходится на мезолитическое время.

⁴ См.: Лобурцев И. С. Основные черты геоморфологии бассейна верхнего течения р. Исети // Геология и полезные ископаемые Урала: Тр. Свердлов. горн. ин-та. Вып. 39. Свердловск, 1961.

Рис. 2. Изделия из камня: 1 – скребло; 2–5 – орудия с рукоятью; 6–7 – песты; 8–10 – ножи. 1–7 – Исетское Правобережное I; 8–10 – Палатки I

⁵ См.: Буров Г. М. Результаты раскопок Висских торфяников 1963–1964 гг. // Уч. зап. Пермского гос. ун-та. № 191. Пермь, 1968.

⁶ См.: Там же. С. 197.

⁷ См.: Там же. С. 198.

Ведущим типом заготовки становится микропластина, тонкая и правильно ограниченная, длиной 1–2,5 см, шириной 0,5–0,7 см. Из такой пластины изготавливали наконечники стрел, провертки, проколки, резцы. Подобные изделия найдены на уже упомянутом выше острове Каменные па-

Рис. 3. Шлифованные орудия. 1–6 – Исетское Правобережное I; 7–11 – Палатки I

латки. Там же обнаружено небольшое количество микропластин прямоугольной, квадратной, реже трапециевидной формы (рис. 1, 8, 9). Это были вкладыши для составных орудий. Они вставлялись в основу из кости, рога или дерева и закреплялись в пазах с помощью специальных клеевых составов. Таким способом получались орудия с длинным режущим краем – кинжалы и ножи.

Недостаточное знакомство с новоосваиваемыми территориями вызвало дефицит сырья для орудий из камня. В этих условиях использование микропластин и вкладышевой техники позволяло экономить камень.

Тонкий культурный слой, отсутствие следов жилищ и орудий, связанных с охотой и первичной обработкой добычи, свидетельствуют о том, что люди в эпоху мезолита приходили (возможно, приплывали на лодках) на территорию верховьев Исети немногочисленными коллективами и скорее всего в сезоны кочевья копытных животных.

Эпоха неолита (VI – середина IV тыс. до н. э.) в лесной зоне Северной Евразии характеризуется формированием основ хозяйственно-культурного типа охотников, рыболовов, собирателей и распространением оседлого образа жизни, чему способствовал теплый и влажный климат атлантического периода эпохи голоцена. В это время происходит интенсивное заселение Урала и формирование культур на местной мезолитической основе.

По сравнению с предшествующим временем наблюдается значительный рост производительности труда. Он отражен в выделении горного дела в самостоятельную отрасль хозяйства, на что указывает ряд фактов. Происходит значительное расширение сырьевой базы и территории поиска необходимых пород и минералов. Исследование каменного инвентаря поселения Исетское Правобережное I показало, что люди в эпоху неолита в производстве орудий использовали более 60 различных пород и минералов, часть из которых находилась на расстоянии нескольких десятков километров от поселения⁸. Прекрасно изучив их свойства, они применяли в работе с камнем различные технологические приемы – как традиционные (раскалывание, шлифование, техника резцового скола), так и новационные (пиление, сверление). В это время древние уральцы открыли и существование пород, при изготовлении орудий из которых не требовалась дополнительная обработка (окремненные сланцы), а также «мягкий» камень (тальковые, хлоритовые породы и их разновидности). Ведущим типом заготовки по-прежнему остается пластина, но намечается тенденция к ее укрупнению и использованию пластин неправильного ограничения. Для производства орудий охотнее, чем в предшествующий период, используются отщепы.

Ассортимент каменных изделий расширяется. На орудиях многих категорий (ножи, скребки, скобели, сверла) выделяется рукоятка, увеличивающая силовую нагрузку инструмента, вставляемая в деревянную или костяную основу (рис. 2, 2–5; 3, 1); появляются комбинированные орудия. Строительство долговременных жилищ, лодок, охотничье-рыболовецких

⁸ См.: Иванов О. К., Кернер В. Ф. Использование местных пород камня неолитическим населением Зауралья (на примере пос. Исетского Правобережного) // Минералы в материальной культуре древних уральских народов. Сыктывкар, 1988; Нестерова Г. Н. Основные разновидности минерального сырья и его возможные источники в культуре населения эпохи неолита территории верховьев реки Исети (на примере поселения Исетское Правобережное) // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006.

ловушек, домашней утвари требовало большого количества разнообразных деревообрабатывающих орудий – топоров, тесел, долот, стамесок (рис. 3, 1–4). Для шлифования использовались плиты и куски гранита и его разновидностей, различные виды песчаника и кристаллических сланцев.

Хозяйство неолитических племен носило комплексный характер, хотя основной формой становится сетевое рыболовство. Одна из ведущих категорий вещевого инвентаря на поселениях этого времени представлена каменными грузилами для сетей (рис. 4, 4–6). Появляются ножи для разделки рыбы (рис. 4, 2), струги с рукояткой для изготовления лодок (рис. 4, 1), якоря, пешни. Охотились уже не только на копытных животных, но и на пушных, а также боровую и водоплавающую птицу. И как следствие – разнообразие типов, размеров и форм наконечников стрел (рис. 1, 10–19), охотничьих и разделочных ножей, скребков для обработки шкур и др. На дне жилищ и в сосудах обнаруживаются скопления мелких галек – остатки птичьих желудков. Наличие собирательства документируется рядом специализированных орудий – палок-копалок, пестов (рис. 2, 6–7), терочников. Появляется ткачество (наличие глиняных пряслиц) и изготовление веревок из растительного волокна (следы веревки на каменных грузилах).

Для эпохи неолита характерны долговременные поселки, которые располагались на берегах реки и озер, особенно проточных, наиболее благоприятных для развития рыболовства. Они состояли из нескольких жилищ четырехугольной формы площадью 36–42 кв. м, которые устраивались в естественных впадинах между выходами гранитных напластований, наполовину углублялись в землю. Стены имели каркасно-столбовую конструкцию, бревенчатая кровля покрывалась слоем дерна. Внутренний интерьер жилищ составляли нары, иногда расположенные на плоских поверхностях гранитных плит, а также места для приготовления и хранения пищи, включавшие открытое кострище, «столы» из гранитных валунов и плит, хозяйственные ямы, в которых находились сосуды. В жили-

щах, а также за их пределами располагались мастерские для производства орудий из камня, кости и дерева; керамической посуды; по обработке кож. В их обустройство входили «столы», «сидения», «наковальни», крупные шлифовальные плиты и др., выполненные из гранитных

плит и блоков определенной, продиктованной производством формы.

Наиболее важным и очевидным признаком эпохи неолита в лесной зоне является появление и распространение керамической посуды. С этого времени формы глиняных сосудов, их орнамент и способы его нанесения становятся одним из самых важных маркеров археологических культур в их развитии.

Происхождение глиняной посуды на Урале принято связывать с приходом населения из более южных районов, однако местное ее производство сразу же обнаруживает свои специфические особенности, что может указывать на результат культурной диффузии технологии керамического производства. Во-первых, в отличие от южных плоскодонных и профилированных горшков уральская посуда имеет полуяйцевидную форму с округлым или приостренным дном. Во-вторых, сосуды отличаются сплошным орнаментом на внешней поверхности, расположенным горизонтальными (реже вертикальными)

Рис. 4. Изделия, связанные с рыболовством: 1 – струг; 2–3 – ножи для разделки рыбы; 4–6 – грузила. 1, 2, 4, 6 – Исетское Правобережное I; 3 – Палатки I

местной основе. Текст мифа о творении Земли в виде горы (гор), возникшей в мировом океане вод, передан в орнаменте на сосудах. Так, этот сюжет отражен на ряде неолитических сосудов с памятников горно-лесного Урала: воды изображены волнистыми линиями по всей видимой поверхности сосуда (рис. 5, 1); из поверхности вод проступают треугольные фигуры – изображения гор¹³.

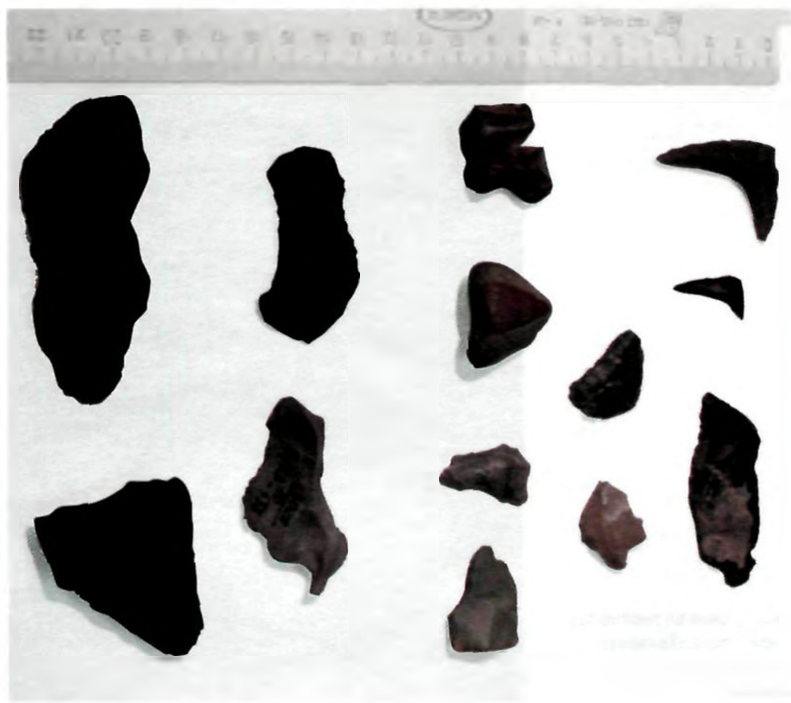
Возможно, ритуальная деятельность производилась на территории поселений, о чем свидетельствуют рассеянные по древней поверхности поселения Исетское Правобережное I фрагменты сосуда с примесью охры в тесте и графически-скульптурными изображениями головы лося (рис. 5, 4). В одном из жилищ этого поселения было обнаружено культовое место: рядом с очагом на плоском монолите находилось углубление, заполненное ярко-красной охрой. В нем стоял нарядно украшенный сосуд, а рядом лежал «утюжок», украшенный косыми крестами.

В край приходят мигранты

Исследователи определили различные причины миграций раннеземледельческого населения индоевропейской языковой семьи с Ближнего Востока: демографические, экономические, социальные. Гипотезы путей расселения различны, но, судя по трудам маститых ученых, эти пути миновали районы Урала. По мнению К. Ренфрю, население протоэламодравидийской языковой группы через побережье Каспия и юг Средней Азии продвинулось к Алтаю¹⁴. Другие исследователи полагают, что основная масса переселенцев, обогнув Каспийское море с востока и севера, направилась через Восточную Европу на Запад¹⁵.

Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири последних двух десятилетий свидетельствуют о неоднократном продвижении мигрантов с Ближнего Востока в сторону Урала. Но если сравнительно небольшая группа мигрантов в эпоху мезолита дошла только до Южного Зауралья¹⁶, то есть предположение, что в эпоху неолита по этой же дороге прошло несколько волн переселенцев до тайги Зауралья. Какие для этого существуют доказательства?

Приход нового населения почти никак не отразился на формах хозяйства уральских охотников и рыболовов. Ранние земледельцы и скотоводы в условиях тайги не смогли применить навыки производящего хозяйства. Вместе с тем исследователи отмечают, что при неблагоприятных

природных условиях и жителям Ближнего Востока, в частности обитавшим в горах Загроса, неоднократно приходилось возвращаться к охотничьему промыслу¹⁷. Поэтому для мигрантов переход к традиционным формам охоты и рыболовства местного населения, по-видимому, не составил большого труда.

Судя по тому, как быстро пришельцы освоили местную технологию изготовления керамики (с примесью талька) и нашли глину различных цветов для использования в ритуальных действиях, с местным населением у них установились добрососедские отношения.

Из технологических новаций, воспринятых местными мастерами, следует упомянуть только «утюжки» – выпрямители древков стрел (рис. 5, 5, 6), находки которых встречаются от гор Загроса¹⁸ вдоль Восточного берега Каспийского моря через территорию Южного и Среднего Зауралья.

Иное дело – мировоззрение. У местного населения оно сложилось в условиях

¹³ См.: Ковалева В. Т., Чачиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного и начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // *Вопр. археологии Урала*. Вып. 20. Екатеринбург. 1991.

Рис. 6. Мелкая кремневая пластика. 1–3 – Исетское Правобережное I; 4–10 – Палатки I

¹⁴ См.: Ренфрю К. Разнообразие языков мира. Распространение земледелия и индоевропейская проблема // *Вестн. древней истории*. 1998. № 3. С. 117.

¹⁵ См.: Гамкрелдзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси. 1984.

¹⁶ См.: Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Зауралья // *Мезолит СССР*. М., 1989. С. 147.

¹⁷ См.: Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984. С. 87.

¹⁸ См.: Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 22–24.

образа жизни лесных охотников и рыболовов, а у мигрантов – в условиях образа жизни ранних земледельцев и скотоводов. Это различие четко выявилось при раскопках святилищного комплекса пришельцев – носителей боборыкинской культуры, и реконструкции возможных ритуальных

ды кострищ. За пределами площадки, по обе ее стороны, в щелях у ямок (столбов) также лежали развалы сосудов.

Археологические объекты и артефакты со святилища красочны и любопытны, но сами по себе еще не дают оснований для реконструкции мифоритуальной

Рис. 7. Символ верхнего мира – рога. Западная гряда острова Каменные палатки

действий в его пределах. Сакральное пространство включало четыре элемента: культовую площадку размером около 40 кв. м, ограниченную невысокими выходами скал у крутого северо-западного берега острова Каменные палатки; знаки рогов быка на скале западной гряды в 80 м к востоку – северо-востоку от площадки; углубление в виде чаши на вершине скалы и расположенного в 16 м к северу плоского камня с шлифованным на нем знаком в виде овала, пересеченного диагональю.

Наблюдается четкая организация внутреннего пространства культовой площадки. Ее центр составляют небольшая (4,2 кв. м) каркасно-столбовая конструкция с алтарным камнем и три глиняные небольшие площадки красного, серо-желтого и белого цвета, расположенные рядом с постройкой. У северной оконечности серо-желтой площадки находились развал сосуда и «утюжок», а у края красной – развал сосуда и ямка от столба. В высокой восточной части, образуя ромб, располагались пять ямок от столбов, возле которых сохранились сле-

практики населения боборыкинской культуры. Наиболее убедительные объясняющие тексты находим в тех гимнах Ригведы, которые относятся к доарийскому раннеземледельческому периоду:

Не было несущего и сущего тогда,
Не было ни воздуха, ни небосвода
за его пределами.
Что двигалось туда-сюда? Где?
Под чьей защитой?
Что за вода была бездонная и глубокая?
(X, 129, 1)

Вначале он возник как золотой зародыш.
Родившись, он стал единственным
господином творения.
Он поддержал землю и это небо.
Какого бога мы почтили жертвенными
возлияниями?
(X, 121, 1)

Когда же пришли высокие воды,
Вбирая в себя все, как зародыш,
порождая Агни.
Он возник из этого, как единая жизненная сила.
Какого бога мы почтим жертвенным
возлиянием?
(X, 121, 7)

И далее рассказывается, как, низвергнувшись из бездны вод, золотой зародыш устанавливает солнце, создает стороны света, снежные горы, высокие сверкающие воды и жизнь на земле. По поводу каждого творения приносятся жертвенные возлияния¹⁹.

Помимо реконструированного выше, возможно, единовременного ритуала, связанного с утверждением пришельцев на новой земле, по всей вероятности, на святилище совершались и ежедневные обряды. Ранним утром, когда всходило солнце, зажигались костры в восточной

¹⁹ См.: Ригведа. Мандалы IX–X. М., 1999. С. 278.

Рис. 8. Фигура овала, пересеченного диагональю, на валуне острова Каменные палатки'

На святилище сохранились предметы, использовавшиеся для проведения этого космогонического ритуала: «утюжок» (рис. 5, 6) в виде зерна – «золотого зародыша», орнаментальный текст на сосуде из постройки – «золотой зародыш» в струе воды (рис. 5, 3), на других сосудах – изображения прямых и волнообразных струй воды/змеи (рис. 5, 7). На возвышенной части площадки столбы образовывали ромб – знак земли, расчерченный диагоналями по сторонам света. На кострах возле каждого столба производились жертвенные возлияния, в результате чего зола, обычно имеющая серо-серебристый цвет, приобрела розовый, желтый, красный, оранжевый оттенки.

Отметим, что знаки струй дождя (плодородие), змеи (земля, вода, медиатор между небом и землей), ромба (земля, зерно, женщина) были широко распространены в раннеземледельческих культурах²⁰.

части святилища и приносились жертвенные возлияния, посвященные небу, солнцу в образе быка²¹, рога которого были изображены способом пришлифовки на вертикальной поверхности скалы западной гряды (рис. 7). Именно ранним утром знак больших рогов виден наиболее четко. Со вторым, малым знаком рогов быка, расположенным на той же скале, только ниже и в тени, возможно, были связаны ритуалы по поводу захода солнца с разжиганием малого огня и жертвоприношениями на западной части святилища.

Далеко не все ритуалы можно воспроизвести хотя бы гипотетически. Остается загадкой обряд, проводимый на вершине скалы, где к северу от чаши (возможно, в ней тоже горел огонь) находился знак овала, расчерченного диагональной чертой в том же направлении юг–север (рис. 8). По своим очертаниям этот знак напоминает «утюжки» с территории Ближнего Востока.

²⁰ См.: Антонова Е. В. Очерки культурных древних земледельцев Передней и Средней Азии. С. 140–142, 151, 158.

²¹ См.: Там же. С. 94.

Расцвет культур эпохи энеолита

Энеолит — медно-каменный век. К сожалению, находки из меди с памятников горно-лесного Зауралья конца IV—III тыс. до н. э. редки: всего два маленьких ножичка из торфяникового памятника Разбой-

но проточных (например, Романовского). Это привело к переориентации его хозяйственной деятельности. Рыболовство — сетевое, а чаще запорное — отходит на второй план (в торфяниковых памятниках встречаются остатки разного рода дере-

Рис. 9. Мегалитическое профильное изображение головы лося на острове Каменные палатки

ничий остров и фрагменты медной проволоки с памятников Горбуновского торфяника. В верховьях Исети пока найден лишь один предмет — форма для отливки иглы с памятника Верхняя Макуша. Металлографическим анализом установлено, что ножи изготовлены из металла с Каргалинского месторождения ямной историко-культурной общности Южного Приуралья²². Местное население в этот период освоило лишь переплавку сломанных изделий: на стенках сосудов эпохи энеолита иногда встречаются следы ошлакованности. Основные орудия, применявшиеся в хозяйственно-бытовой деятельности, как и в предшествующие времена, по-прежнему изготавливались из камня, поэтому правильное будет говорить, что в эпоху энеолита в Зауралье продолжался каменный век. Однако эта эпоха знаменуется и большими переменами.

Климатические изменения конца эпохи среднего голоцена приводят к перераспределению гидрологического режима края: усиливается процесс заболачивания русла реки и котловин ряда озер, особен-

ных ловушек и запоров, а также кости щуки и окуня). Главное место начинает занимать охота на копытных и пушных животных. Одним из ведущих видов охотничьего промысла становится добыча водоплавающей птицы (утка-кряква, гусь, лебедь и др.).

В технологических приемах работы по камню наблюдаются две новации. Происходит постепенный переход от изготовления орудий на крупных пластинах к изделиям на отщепках и плитках, двусторонне обработанных, с ретушью по рабочим и плоским граням (рис. 1, 20–41; 2, 8–10). Наряду с использованием различных пород камня предпочтение отдается окремненному плиточному сланцу. Для работы по дереву сохраняются традиционные орудия: топоры, тесла, стамески, долота, изготовленные техникой шлифования (рис. 3, 7–11). Так же традиционно продолжается изготовление «утюжков». Только для изделий утилитарного назначения использовались предметы массивные, различной формы — трапециевидные, прямоугольные.

²² См.: Чиркина Н. М. Энеолит Среднего Урала. Екатеринбург, 2005. С. 209–211.

Вторая новация в технологии связана с работой по граниту. В эпоху неолита уже научились изымать из скальных пород плиты мелкозернистого гранита для изготовления шлифовальных плит и ступок. Есть основания говорить, что в эпоху энеолита население края освоило не только традиционное изготовление шлифовальных плит, но и работу по передвижению и транспортировке крупных многотонных валунов. Первые догадки по этому поводу появились у археологов, когда на острове Каменные палатки был обнаружен распиленный перемещенный валун, который после доработки – обозначения на нем глаза и характерных очертаний морды – принял вид головы лося/лосихи (рис. 9).

Длина камня 2,4 м, высота 1,1 м, ширина 0,8 м. На его верхней части заметен след пропила длиной 1,5 м. Возможно, это результат разметки первоначально предполагавшегося членения камня. Камень с рельефным профильным изображением головы копытного был отчленен от скального массива и передвинут на 45° относительно своего первоначального местонахождения. Рядом сохранился след его снятия.

Второй факт – след снятия валуна на гранитной плите площадки, где находится мегалитическое изображение головы лося. Камень в форме параллелограмма размером 70 x 82 x 66 см был отчленен и перемещен на площадку у подножия западной гряды. Его пришлось передвигать на расстояние 17 м и поднимать на высоту свыше 1 м. Видимо, валун использовали как алтарный камень начиная с эпохи энеолита, так как самые ранние следы обрядовой деятельности рядом с ним (фрагменты керамики аятского типа, кремневые отщепы и куски талька) соотносятся с этим временем.

В эпоху энеолита шире используется и глина: кроме керамики и пряслиц из нее изготавливали грузила для сетей, возможно, использовавшиеся при охоте на линную птицу, а также ритуальные предметы. Сосуды лепились по традиционной технологии – ленточным способом. Их внешний вид несколько видоизменился: сосуды приобрели митровидную форму.

Есть определенные основания утверждать, что жизнедеятельность населения края перешла на новый этап. К этому времени были открыты и использовались оптимальные формы орудий и приемы охоты и рыбной ловли, сохранившиеся до

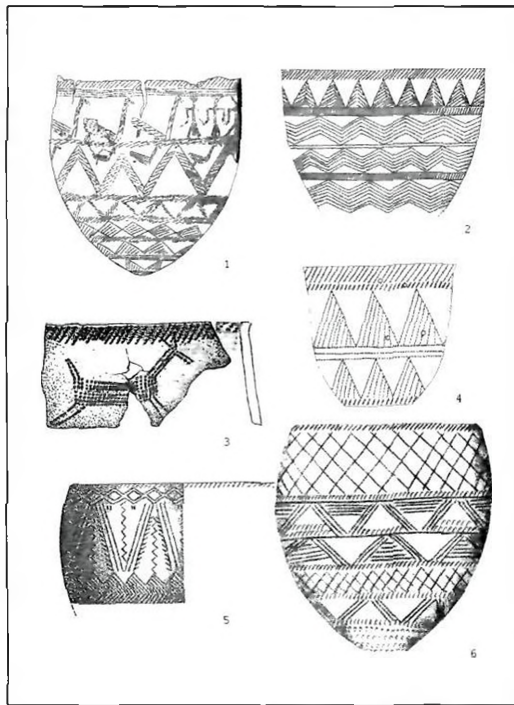

Рис. 10. Керамика эпохи энеолита. 1, 2, 4, 6 – со святилища памятника Палатки I; 3 – пос. Бараний мыс; 5 – пос. Макуша III (3, 5 – по Н. М. Чаиркиной)

этнографической современности. Такие способы ведения хозяйства, исходя из периодизации истории первобытности, присущи обществам высших охотников и рыболовов.

Преобразования произошли и в духовных ориентирах обществ горно-лесной полосы Урала. Существенно пополнился зооморфный код, выраженный в мифологических орнаментальных текстах на сосудах и в мелкой кремневой пластике. В образный ряд, кроме лося и медведя, вошли олень, косуля (рис. 10, 3), бобр, выдра, а также водоплавающая птица. Появились новые средства передачи мифов – наскальные изображения (свыше 70 на территории горно-лесной полосы Урала)²³. Значительно увеличилось число предметов мелкой кремневой пластики (рис. 6, 4–13). Торфяниковые памятники сохранили деревянные изображения антропоморфных фигур, мастерски выполненные ковш и ложки с головами водоплавающих птиц и лося, ритуальные сосуды в виде фигур лося²⁴.

²³ См.: Широков В. Н. Древние образы священных скал // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 63.

²⁴ См.: Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

Сохранились ли следы мифологических представлений мигрантов – носителей боборыкинской культуры – в мифологической картине мира энеолитического населения края? Несмотря на различие в представлениях аборигенов и пришельцев о процессе появления земли (у первых горы поднялись из вод мирового океана, у вторых – в результате творения низвергнувшегося с водами «золотого зародыша»), имелось и сходство: вода мыслилась как первоначало, а земля – в виде гор. Знак золотого зародыша (зерна), как и знак вьющегося растения (лозы), оказался не актуальным в условиях лесной полосы Урала. На энеолитических сосудах знак струй дождя, потеряв прежний смысл, превратился в декор.

Вместе с тем из арсенала представлений пришлого населения сохранил свое существенное значение символ верхнего мира – рога. Этот образ был знаком лесным охотникам. Постепенно знак усложнился в соответствии с ветвлением рогов местных животных: на некоторых сосудах и писаницах рога загнуты под прямым углом. Другой символ – символ земли, воспринятый аборигенами и вошедший в знаковую систему эпохи энеолита, – ромб. Сохранил свой смысл и знак змеи – как олицетворение медиатора между мирами (рис. 10, 5). Таким образом, важнейшие духовные ориентиры мигрантов – индоевропейцев – органично вошли в мифологическую картину мира энеолитического финно-угорского населения горно-лесного Зауралья.

Конечно, восстановить все нюансы мифоритуальной практики населения эпохи энеолита вряд ли когда-нибудь удастся. Вместе с тем предметы и объекты, связанные с духовной деятельностью обитателей верховьев Исети, дают возможность воссоздать наиболее общие характеристики мифологической картины мира и обрядовой деятельности.

Когда на первой ступени западной гряды был обнаружен многотонный валун с профильным рельефным изображением головы лося, естественно, встал вопрос: в чем смысл такой трудоемкой работы древних людей? Ведь фигура была намеренно сдвинута от обзора на основную территорию энеолитического поселения

с жилищами и производственными площадками. Глаз зверя «смотрел» в сторону центра восточной периферии поселения, где исследованы два ритуальных комплекса аятской культуры эпохи энеолита. Один из них, состоящий из постройки и овальной площадки, окруженной ровиком, сменился другим, аналогичным по составу, при этом котлован более позднего сооружения разрушил восточную стенку более раннего.

Наиболее полным и информативным оказался материал позднего комплекса. Каркасно-столбовая конструкция постройки восстанавливается по ямкам от столбов. Слой пола был очень плотным, с втоптанymi в него кусочками охры и чешуйками черного плитчатого сланца. Очаг в виде линзы прокала размером 1 x 0,5–0,6 м размещался в южной части постройки. По центру северной части сооружения проходила канавка, заполненная кусочками охры. Одна из ямок также была заполнена охрой.

Предметы из пластин и плиток окремненного сланца найдены в придонной западной части сооружения. Возле очага лежало фигурное изделие, в одном ракурсе можно усмотреть голову лося, а в другом – голову медведя (рис. 6, 10). На дне постройки найдены развалы и крупные фрагменты от восьми сосудов. Южнее постройки находилась канавка, окружавшая глиняную площадку овальной формы размером 3,5 x 1,5 м. На дне северо-восточного выступа останца расчищена ямка от столба.

Можно предположить, что в постройке изготавливались и хранились культовые предметы из черного плитчатого сланца, в канавке была заготовлена охра для ритуалов, на полу стояли сосуды, орнамент которых отражал мифологические тексты. На овальной глиняной площадке, перед которой стоял столб (может быть, идол?), проводились обряды, в состав которых включалось изображение каменной головы лося, «смотрящего» на участников ритуала. В ритуальные действия были вплетены мифы, изображенные на сосудах.

Наиболее важным был сосуд, орнамент которого передавал миф о сотворении Земли в результате ныряния птиц

(рис. 10, 1). Он уникален: в энеолите и последующие древние эпохи на территории Евразии ему нет аналогов.

Миф о птице, ныряющей в воды мирового океана за Землей, широко распространен в угро-самодийском фольклоре. Однако только один из мансийских текстов Священного сказания²⁵, несмотря на разницу в 5 тыс. лет, позволяет понять смысл орнамента, изображенного на сосуде.

Первый акт мансийского мифа о нырянии большой железной гагары можно соотнести с верхним орнаментальным фризом сосуда. Только антропоморфные предки – Старуха и Старик – в энеолитическом варианте мифа имеют зооморфные черты: вместо голов у них рога. Второй акт – о нырянии малой гагары – изображен на центральной части сосуда. Но, что важно, представление о земле как таковой передано в нижней части сосуда в виде цепочки ромбов, а конкретное, местное ее видение – в виде череды треугольников – гор. Последующие акты мифа раскрываются на сферах сосудов, встречающихся как в ритуальных постройках, так и в жилищах эпохи энеолита на ост-

рове Каменные палатки. На территории верховьев Исети аналогичные сосуды есть в коллекциях с памятников Бараний мыс, Верхняя Макуша, Макуша III. Это выраженные через орнамент тексты о том, как горы поднялись из вод (рис. 10, 2), как утвердилась гористая Земля (рис. 10, 4), как выглядела «своя земля» в окружении (знак границы – косая сетка) соседей (рис. 10, 6). Утвердилось представление о трехчастной вертикальной картине мира, центром которой является гора, а медиатором между мирами считалась змея (рис. 10, 5).

На основе исследованных раскопками памятников эпохи камня в состав будущего археологического музея под открытым небом можно включить реконструированный неолитический поселок рыболовов и охотников (пос. Исетское Правобережное I), а на острове Каменные палатки воссоздать святилище мигрантов из Ближнего Востока, а также поселок со святилищным комплексом местного финно-угорского населения эпохи энеолита.

²⁵ См.: Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 258.